

ОТЕЛЛО БЕЗ ГРИМА

Что может стать сенсацией в театральной жизни такого города, как южноафриканский Йоханнесбург? Спектакль по пьесе «Отелло», когда главную роль в нем исполняет черный актер.

Мойра ПАТЕРСОН

«ОБСЕРВЕР МЭГЭЗИН»,
ЛОНДОН.

В КАЧЕСТВЕ своей первой режиссерской работы в ЮАР английская актриса и постановщица Джанет Сузман выбрала «Отелло». Поставила она пьесу Шекспира в Йоханнесбурге, пригласив на главную роль черного южноафриканского актера Джона Кани. Это событие стало сенсацией.

— Все билеты раскупили задолго до премьеры, — рассказывает постановщица. — Никто не ожидал, что трагедия, которой без малого 400 лет, способна вызвать такой ажиотаж. Черный зритель обычно ходит только на «свои», негритянские спектакли. «Белый» театр ему не интересен поскольку бесконечно далек от его собственной жизни.

Идея создания этого спектакля возникла еще весной 1987 года, когда Джанет Сузман в очередной раз приехала в ЮАР навестить своих родителей. Она и сама родилась здесь, в семье, принадлежащей к той части белого населения, которая активно борется против апартеида. Особенно известна в стране ее тетка Хелен Сузман, ветеран Прогрессивно-федеральной партии, бывший член парламента. В 1960 году, студенткой, отчаявшись добиться отмены сегрегации в университетах, Джанет покинула ЮАР, переехав жить в Англию... И так, в этот приезд она посетила «Маркит» — так называемый «многорасовый» театр Йоханнесбурга, где смотрела развлекательную пьесу «Туземел, заваривший эту кашу» с Джоном Кани в главной роли. — Я любовалась игрой

Сцена из спектакля. В роли Отелло — Джон Кани, в роли Дездемоны — Джозанна Байнберг.

Фото «Обсервер Мэгэзин», Лондон.

Джона и думала: «Прекрасный актер мирового класса заслуживает большего, чем эта жалкая поделка!» Потом я посмотрела вокруг себя, на этих людей, переполнивших ветхое здание перестроенного рынка викторианской эпохи, и подумала: «Да и они все заслуживают лучшего».

Вскоре она пришла к Джону Кани, с которым они были старыми друзьями, и предложила попробовать силы в «Отелло»...

Когда в ЮАР ставят «Отелло» (а такое порой случается), главную роль исполняет белый актер в черном гриме, что избавляет белую аудиторию, прекрасно об этом осведомленную, от «неудобств», связанных с цветом кожи. Впрочем, в этом смысле белые южноафриканские зрители не исключение, подобное отношение типично и для Европы. В той же Англии, например, на родине Шекспира, время от времени делаются неуклюжие попытки доказать, что «в елизаветинские времена под маврами подразумевались скорее люди с легким бронзовым оттенком кожи». Первым, кто открыто отверг истинное, шекспировское понимание образа, был английский актер Колеридж, произнесший в 1808 году слова, которые должны лить бальзам на душу нынешних законченных расистов. Он сказал: «Это же чудовищно — допустить, что красавица венерианка могла влюбиться в настоящего негра».

— Уже на первых репетициях все мы почувствовали ту «дополнительную» силу, которую вдыхала в пьесу игра африканца, — продолжает

Джанет. — Когда Кани-Отелло говорит со сцены Поханнесбурга о том, как он однажды в плен попал, и в рабство продан был, его слова приобретают такой резонанс, такой пафос, которого они сейчас нигде больше получить не могут.

Родной язык Кани — коса, английский для него — почти иностранный. Когда слушаешь, как черный актер преодолевает трудности стиха, начинаешь воспринимать эту роль в каком-то совершенно новом измерении. Конечно же, ведь Отелло и в самом деле иностранец!

Перечитывая Шекспира, постановщица обвела красным карандашом монолог Яго, в котором он, рассуждая о браке Дездемоны с Отелло, ставит под сомнение ее выбор: «Естественно ли это отчуждение от юной родной страны? Не поражают ли в таких примерах черты порока, извращения чувств?»

— В этом монологе, — говорит она, — квинтэссенция мышления расиста. Брабанцио, отец Дездемоны, который охотно приглашает знаменитого черного полководца к себе на обед, умирает от разрыва сердца, когда дочь выходит за него замуж. Это его роднит с представителями старой южноафриканской гвардии, которые, если даже и не признаются вслух в своей приверженности крайним взглядам, однако всецело преданы им.

Йоханнесбургские зрители относились к происходящему на сцене по-разному, но всегда испансивно. Иногда случалось, что какая-нибудь белая чета, поджав губы, вставала и покидала зал под свист черной публики. Обычно это происходило во время любовных сцен между Отелло и Дездемоной.

— Нашей целью было сделать такой спектакль, который воспринимался бы как политический акт. Судя по всему, мы ее добились, — заключает наш разговор Джанет Сузман.